

науки о Византии и славянстве, знали, конечно, веские замечания В. Г. Васильевского по поводу некоторых положений Ф. И. в его докторской диссертации об образовании Второго болгарского царства; в полемике Васильевского с Ф. И. на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ по поводу постройки крепости Саркел мы склонялись на сторону первого; трактовка Ф. И. термина „друнгос“ казалась нам слишком смелой. Но эти частности нисколько не умаляли в наших глазах ученой авторитетности нашего профессора. Слушатели Ф. И. по Одесскому университету пошли по различным направлениям: Б. Фармаковский стал выдающимся археологом, Мендес сделался солидным специалистом в области классической филологии, Айналов и Редин приобрели известность как искусствоведы, Рефабек специализировался в области истории императорского Рима, и т. д., но все они считали своим учителем Ф. И., о котором сохраняли благодарную память.

Обратимся к краткому анализу лекций Ф. И. Ежегодно он читал общий курс Средневековья. Содержание этих курсов менялось, но генеральная линия, начертанная им уже во вступительной лекции, которую он прочел осенью 1874 г., оставалась неизменной. В вводной главе курса, который я слушал во второй половине восьмидесятых годов прошлого века, Ф. И. справедливо критиковал русские учебники и руководства по средневековой истории, неизменно составлявшиеся по немецким и французским образцам, где греко-славянскому миру не отводилось должного места. Это свидетельствует о том, говорил Ф. И., что мы еще недалеко ушли в понимании прямых задач русской исторической науки и что чужие примеры продолжают оставаться для нас обязательными. Во Франции и Германии всеобщая история строится так, что центр тяжести сосредоточен на фактах национальной истории, а истории других народов отводится служебное место; особенно пренебрежительно западные историки относятся к истории восточно-европейских народов. А между тем с точки зрения русской исторической науки полезнее поступиться некоторыми фактами и явлениями истории Запада, чтобы уделить подобающее место византийской и славянской истории. Для нас, говорил Ф. И., известия Прокопия и Константина Багрянородного имеют такую же важность, как для немцев и французов известия Тацита и Григория Турского. Особенно резко критиковал Ф. И. немецкую историографию, сильнейшим образом насыщенную национализмом. Если немцы изучают славянский мир, то делается это обыкновенно с националистической точки зрения, с привнесением тенденциозных утверждений, цель которых сводится к тому, чтобы оправдать порабощение славянских племен и лишить их